

FORMAT

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

3(3)

«Format: Юриспруденция»

Выпуск № 03 (03), 2019 (март, 2019).

Сайт: <https://www.orcacenter.ru/journals/format-jurisprudence.html>

Научный, научно-образовательный, междисциплинарный журнал с базовой специализацией в области юридических наук (12.00.00).

Журнал выпускается по материалам международной научно-практической конференции «Format: Юриспруденция».

За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых статей.

Учредитель и издатель: Научный центр «Орка», 644116, г. Омск, ул. Герцена, 65/1,

<https://www.orcacenter.ru>, info@orcacenter.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бархаджиев Т.М. Особенности процессуального статуса частного обвинителя в российском уголовном судопроизводстве	4
Бархаджиев Т.М. Особенности применения домашнего ареста в качестве меры пресечения в отдельные исторические этапы	8
Марков Р.С. Перспективы применения ценза оседлости для кандидатов на должность главы субъекта Российской Федерации	13
Махова А.М., Симакова Е.С. Преступления против личности.....	17
Никитина К.А. К вопросу о сущности, роли и функции криминальной психологии в юридической деятельности	21

УДК 343.1

Особенности процессуального статуса частного обвинителя в российском уголовном судопроизводстве

Бархаджиев Т.М.

Чеченский государственный университет

В представленной статье рассматривается процессуальный статус частного обвинителя как участника уголовного судопроизводства. Поднимаются наиболее проблемные, с точки зрения автора, вопросы относительно правового участия частного обвинителя в уголовном деле.

Ключевые слова: потерпевший, суд, обвинитель, уголовное судопроизводство, право

Потерпевший, который в рамках института частного обвинения обретает роль частного обвинителя, выступает как лицо, которому, во-первых, был нанесен вред в ходе совершения преступления, во-вторых, данное лицо получает специфический процессуальный статус в уголовном деле, а также особые процессуальные права и обязанности.

На частного обвинителя, помимо прочих обязанностей, возлагается и собственно бремя доказывания, опровержения доводов, которые могут приводиться в защиту обвиняемого. Особенностью данного института является наличие правила относительно того, что неявка потерпевшего, выступающего в качестве самостоятельного обвинителя, без наличия на то уважительных причин, влечет за собой прекращение уголовного дела.

Права частного обвинителя как самостоятельного субъекта обвинения указываются ч. 4-6 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Статья 42 Уголовно-процессуального кодекса гласит о том, что частный обвинитель имеет право на предъявление в рамках уголовного дела гражданского иска для защиты своих прав и интересов.

Перечень прав частного обвинителя содержит следующие процессуальные возможности [1].

Далее, также важным является требование о необходимости внесения и изменений, которые будут касаться самого термина «частный обвинитель», поскольку существующие в настоящее время противоречия между статьями ст. 5, 43, 45, 246, 249 и 318 Уголовно-процессуального кодекса создают некоторые сложности в правоприменении, что, в свою очередь негативным образом влияет на общий ход судебного разбирательства, его эффективность и своевременность совершения процессуальных действий.

В целях устранения названных противоречий, было бы уместным изменение самого определения частного обвинителя, которое содержится в статье 5 УПК РФ. Идея заключается в том, чтобы изменить существующее в настоящее время определение на следующее: частный обвинитель – это потерпевший и (или) законный представитель, представитель и (или) представитель по делам частного обвинения.

Реализация данных изменений позволит в значительной степени улучшить процесс применения норм, регулирующих институт частного обвинения, так как существующие противоречия не дают в полной мере использовать все возможности, которые законодательство предоставляет частному обвинителю как самостоятельному участнику уголовного разбирательства. Вместе с тем, проблема заключается в то, что,

как правило, внесение каких-либо изменений или дополнений в действующее законодательство происходит достаточно долго, что объясняется особенностями законотворческого процесса. В связи с этим складывается ситуация, когда реформирование института частного обвинения, несмотря на понимание необходимости таких действий, будет происходить достаточно долго.

Коллизии законодательства – это достаточно распространенное явление, которое встречается не только в процессуальном, но и в материальном праве.

Однако, когда речь идет об уголовном разбирательстве, о преступлении, то в этой ситуации недостатки законодательства, имеющиеся пробелы и коллизии, могут оказать крайне негативное влияние на разбирательство по уголовному делу. Поэтому предлагается изменить ряд положений и понятий, которые содержатся в действующем УПК РФ. В частности, речь идет о внесении определенных поправок в понятие «частный обвинитель», а также в ряд статей, регулирующих институт частного обвинения. Представляется, что предпринятые в рамках данных предложений действия будут способствовать позитивным изменениям, значительно облегчат применение положений УПК РФ, а также предоставят частному обвинителю возможность более эффективно выполнять свои задачи в рамках уголовного разбирательства.

Согласно положениям части 2 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса уголовные дела частного обвинения должны быть прекращены в случае, когда достигается примирение потерпевшего с обвиняемым [2].

Необходимо также отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР конкретно определялся момент появления обвиняемого в мировом суде.

Развитие института частного обвинения невозможно без четкого определения статуса обвиняемого, поскольку важной характеристикой для данного института является наличие признака состязательности процесса, без которого не может быть и речи о возможности применения норм частного обвинения в рамках уголовного дела. Обвиняемый и потерпевший в уголовном деле обладают равными правами и обязанностями, при этом потерпевший как частный обвинитель имеет несравнимо больше процессуальных возможностей по сравнению с обвиняемым. Естественно, такое положение не может быть признано приемлемым, требуется проведение определённых изменений в действующем законодательстве, что невозможно без дополнений и изменений в УПК РФ.

Частный обвинитель, выступая в качестве самостоятельного и независимого участника уголовного разбирательства, обладает достаточно большим объемом прав и обязанностей, но, вместе с тем, имеющиеся противоречия в нормативно-правовых актах ограничивают его в возможностях по применению того объема правомочий, которыми он обладает.

Именно момент принятия судьей заявления к своему производству и является отправным моментом, определяющим начало уголовного преследования в отношении конкретного лица, фигурирующего в заявлении пострадавшего лица, который названным постановлением приобретает статус обвиняемого [3].

Обвинение, выступающее в качестве утверждения о совершении обвиняемым уголовно-наказуемого деяния, выдвинутого в соответствии с правилами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством России (п. 22 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса), формируется уполномоченным на то органом: на досудебных стадиях речь идет о следователе, руководителе соответствующего следственного органа (статья 39 Уголовно-процессуального кодекса), а также такими участниками уголовного судопроизводства как дознаватель, начальник подразделения дознания (ст. 401 Уголовно-процессуального кодекса), далее, в рамках судебного разбирательства правом на совершение данного действия обладают сторона обвинения

(прокурор, государственный или частный обвинитель). Данное решение в последующем может быть также проверено и признано законным, однако может быть принято и противоположное решение, в частности, оно может быть отменено либо изменено.

В последующем в качестве крайне важного процессуального основания, имеющего значение для выдвижения обвинения можно назвать, например, наличие достаточной совокупности доказательств по уголовному делу, которые смогут в достаточной степени подтвердить обстоятельства уголовного дела. Данное требование имеет значение для всех стадий уголовного разбирательства без каких-либо исключений из общего правила.

В процессе обретения новых доказательств либо исключения отдельных в связи с их невозможностью использования с материалами уголовного дела, оценка обстоятельств уголовного дела вполне может изменяться, так как это происходит под воздействием того набора доказательственной базы, которая имеется в распоряжении сторон. Данный процесс оказывает влияние на квалификацию преступления, она может неоднократно меняться на досудебной стадии в соответствии с текущей обстановкой. Осуществление предварительного расследования – это процесс, в рамках которого происходит постоянное совершение различных процессуальных действий, результаты которых оказывают существенное значение на дальнейший ход следствия. В соответствии со 175 УПК РФ, «если в ходе предварительного следствия появятся основания для изменения предъявленного обвинения, то следователь выносит новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого».

В процессе предварительного расследования при изменении обвинения следует упитывать уголовно–процессуальные аспекты, в том числе:

- компетенцию правоприменителя
- подследственность (ст. 150–151 УПК РФ).

Так, если в период расследования следователем органов внутренних дел уголовного дела об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ) наступила смерть потерпевшего от действий обвиняемого, деяние последнего подлежит переквалификации на ч. 4 ст. 111 УК РФ, а дела о преступлениях данной категории в силу п. «а» п. 1. ч. 2 ст. 151 УПК РФ расследуются следователями Следственного комитета при прокуратуре РФ; – предмет рассмотрения, поскольку новое обвинение не должно выходить за пределы предмета расследования, т.е. события преступления, в отношении которого возбуждено уголовное дело (уголовное преследование) [4].

Говоря об этом, требуется также обратить внимание на определённые детали, которые имеют важное значение для расследования уголовного дела.

В первую очередь необходимо осознавать, что уголовно–процессуальный кодекс не содержит норм, которые требуют от субъектов уголовного разбирательства принятия решения, влекущего за собой прекращение уголовного преследования в части либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Далее, подобные решения оказывают важное значение для дальнейшего развития уголовного разбирательства, что подразумевает использование таковых в разумных пределах, в противном случае это может привести к неблагоприятным последствиям по уголовному делу.

В таком случае в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ он возвращает уголовное дело следователю для изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых со своими письменными указаниями об этом. Право изменять обвинение (квалификацию) государственным или частным обвинителем в ходе предварительного слушания (ст. 236 УПК РФ), в судебном заседании (ст. 246, 321 УПК РФ) по правилам

ст. 252 УПК РФ уголовно– процессуальный закон связывает с обвинением на стадии предварительного расследования, т.е. с исходным обвинением.

Производство по делам частного обвинения можно рассматривать как выражение автономной формы уголовного судопроизводства. Характер действий, осуществляемых сторонами в суде при производстве по уголовным делам частного обвинения, значительно отличается от производства действий по обычным уголовным делам. На частного обвинителя возложена обязанность доказывания тех обстоятельств, о которых он заявил в своей жалобе, т.е. в поданном им уголовном иске к лицу в свою защиту. Поэтому потерпевший-обвинитель уже здесь предстает как истец уголовного иска. Обвиняемый при этом вправе признать требования потерпевшего либо возражать против них. Для этого законодатель наделил потерпевшего комплексом таких прав, которые позволяют ему обеспечить свою защиту, включая право на примирение с частным обвинителем.

Завершая изложение материала в данном подпункте можно отметить следующее.

Изменение обвинения в рамках уголовного судопроизводства возможно посредством участия органов предварительного расследования, прокурором, судом согласно тем полномочиям и компетенции, которыми обладают указанные должностные лица. Предложения стороны защиты, (обвиняемого, подсудимого, защитника, законного представителя) о квалификации подлежат обсуждению и мотивированному разрешению в соответствующих процессуальных документах.

Институт частного обвинения предоставляет частному обвинителю достаточно широкий набор прав в рамках уголовного судопроизводства, давая ему возможность в достаточной мере принимать участие в судебном разбирательстве, оказывая влияние на результат судебного разбирательства.

Список литературы

1. Ухова Е.В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве. - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2013.
2. Комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2017. [Электронный ресурс]: Режим доступа – <http://upkod.ru/kommentarii>. (04.03.2019).
3. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. М., 2010. Т.3, Т.4.
4. Уголовно-Процессуальный Кодекс Российской Федерации. – Сергеев А.В. М.: Издательство «Омега-Л», 2013.

© Т.М. Бархаджиев 2019

УДК 343.1

Особенности применения домашнего ареста в качестве меры пресечения в отдельные исторические этапы

Бархаджиев Т.М.

Чеченский государственный университет

Домашний арест как мера пресечения не является чем-то новым для отечественного уголовно-процессуального законодательства. Более того, данная мера пресечения имеет достаточно глубокие корни, поскольку исторические сведения свидетельствуют о том, что применение домашнего ареста практиковалось, в том числе, в Древнем Риме. Естественно, для домашнего ареста как меры пресечения в каждом историческом периоде были характерны свои специфические признаки, обусловленные особенностями конкретного периода времени.

Ключевые слова: домашний арест, суд, мера пресечения, личность, свобода передвижения.

Овладение историческим прошлым, отмечает Э.Ф. Куцова, имеет особое значение и в наши дни, в условиях судебно-правовой реформы [1, С. 4].

Если люди перестанут смотреть в прошлое, они не смогут в настоящем сформулировать будущее. В связи с этим соотношение истории и современности является одним из кардинальных путей познания правовых идей [2, С. 205].

Так, практика применения домашнего ареста в Риме была различной в зависимости от того или иного исторического периода развития данного государства. Соответственно, мы можем выделить царский, республиканский и императорский периоды, в которых домашний арест применялся по-разному.

В первоначальный период времени назначение домашнего ареста происходило с привлечением к ответственности в качестве гарантов соблюдения условий меры пресечения родственников обвиняемого. Назначение гарантов происходило с участием преторов, оформление происходило в формулярном порядке. При этом выбор гарантов соблюдения условий домашнего ареста зависело также от правового статуса обвиняемого, от того, является ли лицо свободным или нет, так как в отношении рабов применение данной меры пресечения являлось нецелесообразным.

Вместе с тем, в законах Древнего Рима не были оговорены виды преступлений, по которым было возможно назначение данной меры пресечения. Таким образом, преторы были относительно свободны в назначении домашнего ареста, делая этого исходя из собственного заключения о целесообразности назначения конкретной меры уголовно-процессуального пресечения.

В дальнейшем, в императорский период, практика назначения домашнего ареста в качестве меры пресечения значительно сузилась, так как основной акцент при расследовании преступлении стал делаться на использование инквизиционных мер воздействия на обвиняемого. Стала широко распространенной практика применения пыток, жестких допросов, содержания лиц в подземельях с целью получения признательных показаний и так далее. Данное положение объясняется тем, что такие методы доказывания признавались наиболее эффективными на тот исторический период времени. Впрочем, такого рода особенности были характерны для многих государств на определённых этапах исторического развития, что объясняется совокупностью множества определённых факторов, влияющих, в том числе на особенности уголовного судопроизводства.

Естественно, в условиях последующего развития государства стремятся к применению в большей степени более гуманных мер уголовно-процессуального принуждения и пресечения. С расширением гражданской свободы положение обвиняемых становится легче, и уголовный процесс стремится прибегнуть к более мягким видам мер пресечения [3, С. 221].

Для России также характерно наличие определённых исторических этапах развития практики использования домашнего ареста как меры пресечения. Рассмотрим отдельные из них.

Первый период. Первая форма домашнего ареста сложилась в XVII в. Домашний арест применялся по отношению к знатым лицам и заключался в том, что к обвиняемому приставлялся пристав для надзора. Нельзя сказать, что данная мера выполняла в полной мере функции современного домашнего ареста, тем не менее, пристав позволял в полной мере контролировать поведение и контакты обвиняемого, отслеживать его перемещения и так далее. При этом данная деятельность осуществлялась официально, соответственно, обвиняемый осознавал постоянный надзор на нем дома. Поднадзорные при этом находились у себя в жилище, как, например, дьяки Александр Дуров и Дмитрий Карпов, больной князь Белосельский [4].

Конечно, данная мера применялась только в отношении знатных лиц как категории обвиняемых, требующей особого отношения со стороны представителей государственной власти в силу знатного происхождения обвиняемых.

Второй период. Домашний арест в период Российской Империи был закреплён в качестве меры пресечения спустя столетие.

В Своде законов 1832 г. домашний арест был закреплён как мера пресечения, его суть заключалась в том, что в доме обвиняемого, подсудимого находился полицейский или жандарм, функция которого заключалась в контроле за поведением и социальными контактами обвиняемого лица. Естественно, что данная мера также имела ярко выраженный сословный характер, поскольку, как правило, она применялась в отношении лиц благородного происхождения. Лица низшего сословия не имели такой возможности, поскольку судебная система не имела возможности предоставлять жандарма для надзора за каждым обвиняемым. Соответственно, мера пресечения применялась только для лиц высших сословий.

Так, в качестве одного из примеров применения данной меры можно назвать домашний арест П.Я. Чаадаева. Указанная мера, в большинстве своем, применялась в рамках досудебного производства. Например, дворяне Виноградовы, отец и сын, обвиняемые в убийстве, первый – жены, второй – матери, на начальном этапе следствия содержались под домашним арестом в собственном доме [4, С. 55].

Далее, в период реформ Александра Второго, 20 ноября 1864 г. был принят новый документ, Уставы уголовного судопроизводства. Нормы данного закона коренным образом изменили существовавшую до этого систему мер пресечения, которые могли применяться в отношении обвиняемых.

«Благодаря данным судебным Уставам правосудие в России было поставлено также высоко, как в самых передовых государствах Европы», отмечал С. Гогель [5, С. 387].

Вместе с тем, нельзя сказать, что принятый документ в существенной степени поменял систему мер пресечения, которые действовали до этого. В большей степени Уставы поменяли системы органы, которые были обязаны осуществлять работы по контролю реализации мер уголовного-процессуального пресечения, в частности, домашнего ареста. Так, в прежнем процессе ими были органы полиции, а теперь преимущественно – судебные следователи.

В то же время, произошедшие изменения в законодательстве, не обеспечили необходимого правового оформления домашнего ареста, что привело к тому, что домашний арест, как и ранее, применялся судьями по-разному, что вполне объяснимо в условиях, когда нормы закона крайне ограничены устанавливая пределы и правила применения конкретной меры пресечения. Речь идет о том, что некоторые судьи при назначении домашнего ареста продолжили практику приставления к обвиняемому человека, осуществляющего надзор, а другие ограничивались получением от обвиняемого подписки о невыходе. Соответственно, и практика исполнения данной меры существенно отличалась, поскольку речь идет о совершенно разной реализации одной меры пресечения.

Соответственно, кто-то полагал, что получение подписки является достаточно, в то время как другие придерживались позиции о том, что «этого недостаточно, а надо приставить к дому стражу и воспретить выход» [6].

В связи с этим П.И. Люблинский подчеркивал, что домашний арест в тот период времени выступал в качестве привилегированной формы взятия обвиняемого под стражу. Это говорит о том, что в России достаточно долго домашний арест был чем-то вроде привилегии знатных лиц, для которых власть предоставляла особые условия содержания в рамках уголовного разбирательства.

Таким образом, рассмотрев развитие домашнего ареста как меры пресечения в период Российской Империи мы можем отметить следующие характерные черты:

1) законодательство указанного исторического периода, помимо домашнего ареста, предусматривало также полицейский надзор как схожую меру пресечения, при этом не предусмотрев фактического разграничения между ними. Вместе с тем, ученые считают, что преимущества домашнего ареста заключались в том, что данная мера пресечения позволяла более эффективно обеспечивать достижение целей уголовно-процессуального законодательства;

2) вместе с тем, в законодательстве не было самого понятия домашнего ареста, что приводило к тому, что на практике домашний арест часто использовался в качестве полицейского надзора, поскольку отсутствие четкого разделения между данными мерами приводило к неоднозначной трактовке законодательства судьями;

3) отсутствовал четкий перечень оснований и пределов применения рассматриваемых мер, поэтому на практике работники предпочитали применять заключение под стражу;

4) далее, в законодательстве, несмотря на указание домашнего ареста как меры пресечения, не было предусмотрено четкой и детальной процедуры применения данных мер, а также порядке и контроля механизма их применения, что, естественно, существенно затрудняло работу практических работников по их применению;

5) домашний арест продолжил нести ярко выраженные «аристократические» черты, то есть, как правило, данная форма пресечения применялась для лиц высших сословий, а для остальных данная мера была практически недоступной и заменялась на заключение под стражу.

Третий период. Становление власти большевиков происходил на отрицании достижений всего предыдущего периода времени, не обошла это судьба и домашний арест.

Первая система мер пресечения в РСФСР в «Положении о военных следователях» от 30 сентября 1919 г., не предусматривала домашний арест в качестве одного из видов уголовно-процессуального пресечения.

Однако в 1922 году посредством принятия первого советского Уголовно-процессуального кодекса домашний арест как самостоятельный вид пресечения был восстановлен (статья 160). Текст ее содержания практически не изменился в принятом

вскоре УПК РСФСР 1923 года: «Домашний арест заключается в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому, с назначением стражи или без таковой» [7]. Изучения содержания положений данного нормативно-правового акта дает основания считать, что институт домашнего ареста, предусмотренный в УПК РСФСР 1923 года во многом повторял положения Устава 1864 года. Однако были и кардинальные изменения, которые в существенной степени облегчили процедуру назначения и применения домашнего ареста в качестве самостоятельного вида уголовно-процессуального пресечения. Суть заключалась в том, что избрание данной меры пресечения более не требовало приставления стражи, которая бы контролировала поведение обвиняемого.

Практика применения домашнего ареста свидетельствует о том, что судьи избирали данную меру при условии, когда у следователя или суда отсутствовали какие-либо серьезные основания по поводу возможного побега.

Вместе с тем, в УПК РСФСР 1923 года отсутствовали четко очерченные основания, которые устанавливали ясные правила назначения той или иной меры пресечения [8], соответственно, данное положение дел давало возможность следователям назначать конкретную меру пресечения по собственному усмотрению.

Л.К. Трунова придерживается мнения относительно того, что в уголовном судопроизводстве в период действия УПК РСФСР 1923 года домашний арест, выступающий в качестве самостоятельной меры пресечения, применялся достаточно широко, что объяснялось относительно демократическими началами советской власти в первые годы ее существования [9, С. 27]. Н. Козлова по поводу этого замечает, что 1923 год – это время, когда домашний арест применялся достаточно широко, однако подчеркивает, что «многие известные политики, хозяйственные и государственные деятели, которых через несколько лет уничтожит сталинский режим, «начинали» с домашних арестов». Вместе с тем, по информации М.С. Строговича, домашний арест как самостоятельная мера уголовно-процессуального пресечения практически не назначался в период действия УПК 1922 и 1923 гг., соответственно, речь идет о достаточной противоречивой оценке значимости домашнего ареста в рассматриваемый период времени.

Дальнейшее развитие уголовного-процессуального законодательства СССР, а также усиление репрессивного характера в работе правоохранительных органов государства, привели к тому, что фактически домашний арест перестал применяться как таковой, поскольку в нем отпала необходимость в условиях постоянной борьбы с «врагами народа»

В сложившейся обстановке Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г., а затем и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. исключили из числа мер пресечения домашний арест.

Таким образом, после 1923 года домашний арест практически не применялся, исключения делались только для отдельных категорий лиц в силу занимаемого служебного положения, что опять повторило сословный характер домашнего ареста, существовавший и ранее.

Четвертый период. Принятие нового Уголовно-процессуального кодекса в истории современной России стало основой развития домашнего ареста как самостоятельной меры уголовно-процессуального пресечения в современный период.

Спустя четыре десятилетия, после принятия УПК РСФСР 1960 г. и упразднения рассматриваемой меры, УПК РФ вновь закрепил такую новеллу, как домашний арест [10, С. 166].

Нужно отметить, что в настоящее время значение домашнего ареста достаточно велика, что подтверждается широкой практикой его назначения при уголовных разбирательствах.

Список литературы

1. Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие /Под ред. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 2009.
2. Деришев Ю.В. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ. – Омск: Омский юридический институт, 2013.
3. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. - М.: Изд. А.А. Карцева, 1912.
4. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. – СПб.: Судеб. вестн., 1868.
5. Гогель С. Судебные уставы 1864 г. Значение их в истории культуры. Силы, обеспечившие быстрый и успешный исход судебной реформы. - Варшава: Тип. И. Котти, 1902.
6. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910.
7. Люблинский П.И. Меры пресечения: практический комментарий. - М.: Право и жизнь, 1926.
8. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») //Известия ВЦИК. № 37. 18.02.1923. (утратил силу).
9. Трунова Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе. – М.: Изд-во МГУ, 2012.
10. Васильев К.В. Обоснованность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России. - Брянск: Брянский филиал Московского университета МВД России, 2012.

© Т.М. Бархаджиев 2019

УДК 342.816

Перспективы применения ценза оседлости для кандидатов на должность главы субъекта Российской Федерации

Марков Р.С.

Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

В статье рассматривается ценз оседлости для кандидатов на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, анализируется практика его применения в предыдущие годы, оцениваются аргументы сторонников и противников установления настоящего ограничения. Автором делается вывод о необходимости нормативно-правового закрепления ценза оседлости и предлагаются возможные варианты изменения федерального законодательства.

Ключевые слова: ценз оседлости, пассивное избирательное право, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, субъект Российской Федерации, избирательное законодательство.

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации выступает центральным звеном не только исполнительной власти, но и всей региональной системы органов государственной власти. Это обуславливает особый порядок наделения его полномочиями и, в частности, предъявляемые требования к кандидатам. Обновление кадрового состава губернаторского корпуса, активно проводимое сейчас федеральным центром, привело к тому, что многие субъекты Российской Федерации возглавили лица, ранее не связанные с данными регионами. Обозначенные факты заставляют нас вернуться к обсуждению перспектив использования ценза оседлости в целях укрепления федеративных начал российского конституционного строя.

Следует отметить, что в 1990-е гг. указанный ценз был весьма распространен в законодательстве субъектов Российской Федерации. Наиболее высоким он был в Республике Саха (Якутия) и составлял 15 лет, в Адыгее, Москве и Бурятии от кандидата требовалось постоянное проживание на территории региона на протяжении не менее 10 лет, в Свердловской и Тамбовской областях – не менее 5 лет [9]. После вступления в силу Федерального закона от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» был определен максимальный годичный ценз оседлости [3], что, однако, значительно не повлияло на региональное избирательное законодательство. Некоторые кандидаты пытались оспаривать данный ценз в судебном порядке, указывая на его дискриминационный характер и нередко добиваясь его отмены. Так, наиболее примечателен пример выборов Главы администрации Курской области 1996 г. Избирательная комиссия отказывалась зарегистрировать в качестве кандидата А.В. Руцкого, не проживавшего на территории региона установленный законодательством годичный срок, однако он смог отстоять в Верховном Суде Российской Федерации свое право на участие в выборах [7]. Но Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» исключил возможность применение ценза оседлости, запретив его установление федеральными законами либо законами субъекта Российской Федерации [4]. Ныне действующее законодательство не столь категорично, но указывает, что ограничение пассивного избирательного права, связанное с нахождением места жительства кандидата на определенной территории, определяется исключительно Конституцией Российской Федерации [2].

После возобновления в 2012 г. прямых выборов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации неоднократно поднимался вопрос о целесообразности возвращения ценза оседлости. Так, в 2014 г. газета «Известия» сообщила, что депутат Государственной Думы Е.А. Федоров рекомендовал законодательно закрепить требование к кандидатам о проживании на территории региона в течение 8 – 10 лет [11], однако настоящее выступление в прессе не имело последующего продолжения в рамках законодательного процесса. Спустя год со схожей инициативой выступил депутат В.С. Золочевский, предложивший установить 5-летний ценз оседлости для глав субъектов Российской Федерации, однако проект закона был отклонен Государственно Думой как противоречащий федеральному законодательству [10]. В регионах настаивали на введении подобного избирательного ценза в ходе общественных слушаний законопроекта о выборах Губернатора Севастополя, проходивших в 2017 г., однако городское Законодательное Собрание отказалось рассматривать пожелания горожан [13].

Весьма благосклонно смотрят на ценз оседлости представители гражданского и научного сообществ. Например, волгоградский общественный деятель А.А. Попков еще в 2010 г. высказал мнение, что губернатор, проживший на территории региона хотя бы 10 лет и знакомый с его спецификой, допустит гораздо меньше ошибок, нежели приезжий человек [12]. Также конституционалист А.С. Ткач отмечает, что во многих зарубежных федеративных государствах требование к кандидату об обязательном проживании на территории субъекта федерации в течение зафиксированного законом срока является общепринятой практикой, которая может послужить примером для российских законодателей [8].

Но известны и аргументы противников настоящего избирательного ценза. Гражданина, который в силу объективных обстоятельств не мог проживать на территории региона, он необоснованно ограничивает в избирательных правах. При этом глава субъекта Российской Федерации, не связанный с местными политическими элитами, может проводить более самостоятельную политику и предотвратит возможность возникновения устойчивых связей во власти, способствующих складыванию криминальных синдикатов и росту сепаратистских настроений [9]. Также в юридической литературе широко распространено мнение, что Конституционный Суд Российской Федерации признал институт ценза оседлости на выборах высшего должностного лица субъекта Российской Федерации неконституционным, поскольку он вступает в конфликт с принципом равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от места жительства.

Однако, по нашему мнению, аргументы об обеспечении безопасности необоснованно утверждают презумпцию виновности по отношению к представителям регионального истеблишмента. Обеспокоенность возможной криминализацией органов государственной власти преувеличена, поскольку ценз оседлости не будет препятствовать деятельности правоохранительных органов. Ценз действительно был дважды оспорен в Конституционном Суде Российской Федерации, однако государственный орган в своем мнении исходил из иных оснований. Так, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 1997 г. № 9-П признало неконституционным подобный ценз, закрепленный в законодательстве Республики Хакасии, но как противоречащий положению Основного закона о верховенстве федерального законодательства [5]. Противоречащим равенству прав и свобод человека и гражданина называло ценз оседлости Постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 1998 г. № 12-П, аргументируя это наличием ограничения пассивного избирательного права в региональных актах, которое не санкционировано федеральным законом [6]. Таким образом, ценз оседлости

признавался неконституционным из-за его противоречия нормам федерального законодательства, а не в силу неконституционности своей правовой сущности.

Запрет же устанавливать региональными законами рассматриваемый ценз, по нашему мнению, противоречит конституционному принципу федерализма, в том числе гарантирующему право субъектов Российской Федерации самостоятельно определять собственную систему органов государственной власти, опираясь на основы конституционного строя [1]. Поэтому законодательное закрепление ценза оседлости создаст условия для укрепления федеративных начал российской государственности, ограничения влияния федерального центра, совершенствования демократических институтов на уровне субъекта Российской Федерации, активизации региональной политической жизни, установления более тесного контакта между кандидатом и его избирателями.

Таким образом, нами предлагается установить ценз оседлости для кандидатов на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. В силу схожей правовой природы с нормой ст. 2 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» он должен по аналогии составлять 5 лет и, учитывая особенности прохождения государственной службы в Российской Федерации, дополнительно может содержать схожие основания, по которым требования о постоянном проживании на территории региона не распространяются на кандидатов. Подобное содержание правовой нормы позволит не только способствовать развитию федеративных отношений, но и исключить дискриминацию кандидатов. Для этого потребуются внести изменения и дополнения в ч. 5 ст. 4 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и ч. 3 ст. 18 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Рос. Газета. 1993. 25 дек.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 3 июля 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 6 дек. 1994 г. № 56-ФЗ (утратил силу) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 33. Ст. 3406.
4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 19 сент. 1997 г. № 124-ФЗ (утратил силу) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 38. Ст. 4339.
5. По делу о проверке конституционности положений статей 74 (часть первая) и 90 Конституции Республики Хакасия: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 24 июня 1997 г. № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997, № 26. Ст. 3145.
6. «По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона

- Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан»: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 апр. 1998 г. № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 18. Ст. 2063.
7. Верховный суд встал на сторону генерала Руцкого // Коммерсантъ. 1996. 17 окт. С. 3.
 8. Ткач А.С. Ценз оседлости как гарантия эффективной работы высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Наука сегодня: теория и практика. 2017. № 8. С. 88.
 9. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: ГУ ВШЭ, 2006. С. 602-608.
 10. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=781977-6&02> (дата обращения: 15.03.2019).
 11. Известия. URL: <http://iz.ru/news/572231> (дата обращения: 15.03.2019).
 12. Новая газета. URL: http://www.ng.ru/regions/2010-12-23/1_cenz.html (дата обращения: 15.03.2019).
 13. Российская Газета. URL: <http://rg.ru/2017/01/18/reg-ufo/sevastopolcy-poprosili-vvesti-cenz-osedlosti-na-vyborah-gubernatora.html> (дата обращения: 15.03.2019).

© Р.С. Марков, 2019

УДК 343.6

Преступления против личности

Махова А.М.¹, Симакова Е.С.¹

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет)

1-студенты 1 курса

Данная статья посвящена разным видам правонарушений, объектом которых является жизнь. Она направлена на изучение и применения на практике уголовно-правовых норм по преступлениям против живого лица. В Конституции РФ указано, что основные права образуют основу правового статуса личности. Права человека, обеспечивают защиту жизни, свободы, достоинства и половой неприкосновенности, поэтому покушение на них преследуются по закону. Преступления против личности - общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом и непосредственно посягающие на безопасность жизни, здоровья, свободу, честь и достоинство, половую неприкосновенность, конституционные права и свободы человека и гражданина, интересы семьи и несовершеннолетних.

Ключевые слова: конституционные права, половая неприкосновенность, похищение, неправомерные деяния, принуждение, летальный исход, насильственное удовольствие, правонарушения, личность, свобода, человек.

This article is devoted to different types of offenses, the object of which is life. It aims to study and apply in practice the criminal law on crimes against a living person. The Constitution of the Russian Federation states that fundamental rights form the basis of the legal status of an individual. Human rights provide protection for life, liberty, dignity and sexual integrity, therefore, an attempt on their life is punishable by law. Crimes against the person are socially dangerous acts stipulated by criminal law and directly encroaching on the safety of life, health, freedom, honor and dignity, sexual inviolability, constitutional rights and freedoms of a person and citizen, interests of the family and minors.

Keywords: constitutional rights, sexual inviolability, abduction, unlawful acts, coercion, death, violent pleasure, offense, person, freedom, person.

Преступления против жизни и здоровья человека – одни из самых незаконных действий, потому что наносится вред здоровью, иногда приводящий к смерти человека. Преступления против жизни могут быть совершены как действием, так и посредством бездействия. В первом случае имеет место прямое влияние и посредственное. Несложно догадаться, что при прямом причастный оказывает влияние на потерпевшего (повреждение, огневое ранение), а при посредственном – прямо не наносит вред, но оказывать влияние на психику, к примеру, с помощью запугивания и принуждения. Человек обязан выполнить все, чтобы не было нанесено вреда здоровью другому человеку, особенно, приводящего к летальному исходу (здесь можно вспомнить небрежное обращение врачей, пренебрежительное отношение водителей и т.д.). Уголовному законодательству известны следующие преступления против жизни: «Убийство (ст. 105 УК РФ), убийство матерью новорождённого ребёнка (ст. 106 УК РФ), убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ)». Из перечисленного в цитате мы видим, что большинство преступлений против жизни - это убийства.

Второй вид – это преступления, нарушающие половую неприкосновенность, относятся к статье совершаемых посредством действий. Они связаны с ложными взаимосвязями между людьми разных полов, с насильственным удовольствием интересов и развратными действиями в сторону лиц, не достигших совершеннолетнего возраста. Статья 131 УК РФ предусматривает уголовное наказание за изнасилование, в частности, в ней определено: «Изнасилование, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, наказывается лишением свободы на срок от 4 до 10 лет».

Конечный вид – против семьи и несовершеннолетних – касается нормального развития детей и их воспитания. Должны быть исключены попытки втянуть несовершеннолетних детей семьи в деятельность, не соответствующей этическим нормам общества (употребление наркотических веществ, алкоголя, табака, занятие проституцией). В этих случаях речь идёт о покушениях на интересы правильного развития и воспитания малолетнего, на права и обязанности родителей или опекунов.

Уголовный кодекс выделяет следующие главы, содержащие перечень преступлений против человека, гражданина, личности: глава 16 - преступления против жизни и здоровья (убийство, причинение вреда здоровью, побои, истязания и так далее); глава 18 - преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (изнасилование, насильственные действия сексуального характера, развратные действия и так далее); глава 19 - преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (нарушение равноправия граждан, нарушение неприкосновенности частной жизни, нарушение неприкосновенности жилища и так далее); глава 20 - преступления против семьи и несовершеннолетних (вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, торговля несовершеннолетними и так далее); глава 21 - преступления против собственности (кража, разбой, терроризм, захват заложника, бандитизм и так далее). Можно назвать и другие преступления. Всего сюда можно отнести, как уже отмечалось, почти 50 процентов преступлений из числа деяний, обозначенных Уголовным кодексом. Статистика указывает, что на преступления, затрагивающие конкретного человека, приходится в 1986 году - 32,4 процента, в 1990 году - 57,2 процента, в 1996 году - 62,5 процента [1]. Криминологические прогнозы показывают, что в 2000 году эта цифра может составить 75 процентов.

А.А. Герцензон писал: «Изучая убийство, мы проникаем в суть других родственных ему преступлений, направленных против человека». Здесь же А.А. Герцензон указывал: «Познание социальных свойств различных видов убийств - главная задача исследователя, изучающего преступление против личности» [5]. Анализируя убийства с статистической точки зрения, С.С. Остроумов назвал их «сердцевинной» преступлений против личности, подчеркивал их «традиционность» и «устойчивость».

По мнению С.С. Остроумова, убийства лучше характеризуют состояние и динамику преступности, чем другие деяния [6]. Позднее об этом же, но уже как о хорошо известном науке, писали С.В. Бородин, Э.Ф. Побегайло, Ю.М. Антонян и многие другие. Убийства стали исследоваться в системе тяжких и особо тяжких преступлений, в системе криминального насилия и так далее. Неизменным, однако, всегда оставалось и остается то, что убийство является преступлением против жизни человека. В этом смысле оно и рассматривается как наиболее общественно опасное деяние, проявляемое в различных сферах жизнедеятельности людей, разнообразных социальных условиях.

Преступления против личности, в том числе и убийства, обусловлены общественными отношениями. Они всегда выступают как закономерное социальное явление, а потому важно учитывать взаимосвязь различных условий, в которых

проявляются эти деяния. Все преступления против личности, особенно такие, как убийство, причинение телесных повреждений, изнасилование и истязание, связаны с явлениями общественной жизни.

Одним из наиболее распространенных признаков преступления против личности является преступление с особой жесткостью. На практике наиболее часто этот признак встречается по делам об убийстве при отягчающих обстоятельствах. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» разъяснил, что под особой жесткостью, в частности следует понимать нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д.

Мы полагаем, что при всем многообразии преступлений против личности наиболее существенными являются проблемы квалификации деяний по ст. 105 УК РФ. Данный тезис обосновывается тем, что они имеют самую высокую степень общественной опасности, будучи направлены в отношении самой значимой социальной ценности, которая является невозполнимой – человеческой жизни. Поэтому закономерен факт того, что внимание исследований, прежде всего, сконцентрировано именно на этом аспекте проблемы.

Мы приходим к выводу о том, что безопасность личности от преступлений в современной России представляется неудовлетворительной, поскольку:

1) Криминологический эффект от действия некоторых законов не улучшает криминологическую ситуацию, а усугубляет её.

2) Законодательство и судебная практика крайне либеральны к преступникам, интересы жертв при этом отодвигаются на второй план.

Исходя из вышесказанного, мы видим, что представляют собой особо опасные противоправные действия, а иначе говоря – преступления против личности, представили их основные виды (опасность для жизни, лишение свободы, унижение чести и достоинства, половой неприкосновенности, семейным ценностям, правам, закрепленным Конституцией Российской Федерации).

Список литературы

1. Декларация прав и свобод человека и гражданина // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст.1865.
2. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации.
4. Корнеева, А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие/ А.В. Корнеева. – М.: Юристъ, 2004. – 304 с.
5. Боженок, С. А. Квалификация преступлений против личности. Учебное пособие / С.А. Боженок. - М.: Проспект, 2015. - 871 с.
6. Борзенков, Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья / Г.Н. Борзенков. - М.: Зерцало-М, 2015. - 144 с.
7. Духовской, М.В. Понятие клеветы, как преступления против чести частных лиц, по русскому праву / М.В. Духовской. - М.: Книга по Требованию, 2014. - 262 с.
8. Пудовочкин, Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних / Ю.Е.
9. Пудовочкин. - М.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2016. - 320 с.
10. Рассел, Джесси Преступления против жизни / Джесси Рассел. - М.: Книга по Требованию, 2015. - 102 с.
11. Тасаков, С. В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности / С.В. Тасаков. - М.: Юридический центр Пресс, 2016. - 320 с.

© А.М. Махова, Е.С. Симакова, 2019

УДК 343.9

К вопросу о сущности, роли и функции криминальной психологии в юридической деятельности

Никитина К.А.

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

В данной статье проанализирована сущность, роль и функции криминальной психологии в юридической деятельности. Приступая к рассмотрению проблем особенной части криминальной психологии, мы хотели бы сначала остановиться на вопросе методическом, на мой взгляд, достаточно важном. Речь идет о попытке унифицировать способы раскрытия вопросов о предмете и задачах отдельных отраслей особенной части.

Ключевые слова: криминальная психология, юридическая деятельность, сущность криминальной психологии, юридическая психология.

This article analyzes the nature, role and functions of criminal psychology in legal activities. Starting to consider the problems of the special part of criminal psychology, we would first like to dwell on the methodological question, which, in my opinion, is quite important. This is an attempt to unify ways of disclosing questions about the subject and tasks of individual branches of the particular part.

Keywords: criminal psychology, legal activity, the essence of criminal psychology, legal psychology.

Обратим внимание на то, что криминальная психология включает в себя различные области научных знаний, является прикладной наукой и в равной мере принадлежит как психологии, так и юриспруденции. В области общественных отношений, регулируемых нормами права, психическая деятельность людей приобретает своеобразные черты, которые обусловлены спецификой человеческой деятельности в сфере правового регулирования. Чем же криминальная психология отличается от любой правовой науки? Если право в первую очередь выделяет в человеке правонарушителя, то криминальная психология исследует человека в правонарушителе, в свидетеле, потерпевшем и т.п.

Специфика криминальной психологии заключается в своеобразии видения психологических состояний, в исследовании их правового значения для установления истины, в поисках научно обоснованных методов снижения возможности нарушения правовых норм путем психологической коррективных состояний, равно как и свойств личности правонарушителей, следовательно, ведя предварительное следствие и суд, разбирая дело в судебном заседании, выясняет сложные переплетения человеческих взаимоотношений, порой не поддающиеся учету психологические, субъективные качества людей и мотивы, толкнувшие человека на преступление. В.Ф. Пирожков в своей книге заключает: «Мотивы преступной деятельности могут быть устойчивые и ситуативные» [7]. Следовательно, необходимо выяснять истинные мотивы преступлений в каждой конкретной ситуации. Бесспорно, знание психологической науки необходимо каждому, кто имеет дело с людьми, кто призван воздействовать и проводить воспитательную работу. С.В. Познышев утверждает: «Преступление предполагает вину, – умысел или неосторожность, – а вина показывает, что в личности совершившего преступление есть нечто, что послужило корнем этого преступления», что доказывает необходимость исследования сути преступлений [8].

Являясь самостоятельной ветвью юридической психологии, психология криминальная изучает психические факты, явления, психологические механизмы, закономерности личности преступников и совершаемых ими преступлений. Необходимо изучать личность преступника прежде всего для практики борьбы с преступностью. А.Ф. Зелинский в своей книге «Криминальная психология» заключает: «Центральной криминологической проблемой является личность преступника» [6]. Действительно, криминальная психология в процессе криминогенной ситуации исследует механизмы иммунитета личности, и с помощью их закономерностей разрабатывает рекомендации в области индивидуальной профилактики преступности. При криминологическом изучении важен анализ личности во взаимодействии с социальной средой, поскольку преступное поведение рождает не сама по себе личность или среда, а их взаимодействие. Личность преступника представляет для криминальной психологии и самостоятельный интерес, поскольку она не просто отражает определенные внешние условия, но и является активной стороной взаимодействия. Для нее характерна сознательная, целенаправленная деятельность. Таким образом, связь социальных условий с преступным поведением носит сложный характер, причем всегда социальные условия проявляются в преступлении, преломляясь через личность.

Исходя из выше сказанного, одна из основных задач криминальной психологии - выделение внутренних личностных предпосылок, которые во взаимодействии прежде всего мотивационной сферы личности с определенными факторами внешней среды могут создавать для данной личности криминогенную ситуацию.

Методологическую основу криминальной психологии составляет системно-структурный анализ процесса деятельности, который рассматривается во взаимосвязи со структурой личности и системой правовых норм. Таким образом, в центре внимания этой науки находятся психологические проблемы согласования человека и права как элементов одной системы. Исследуя проблему предмета и системы криминальной психологии, мы исходим из принципиального положения, что психологические закономерности в области правоприменительной деятельности делятся на две большие категории: деятельность правопослушную и деятельность, связанную с теми или иными правонарушениями. В специальном разделе рассказывается о закономерностях правопослушного поведения, правовом сознании и интуиции личности, их роли в формировании иммунитета личности к криминогенной ситуации. Синтез психологии и юриспруденции в научных дисциплинах – средство повышения эффективности правоохранительной деятельности. Важная задача криминальной психологии - определить криминогенные личности качества, а также устанавливается причинная связь между выявленными дефектами и склонностью к совершению определенной категории преступлений. Криминальная психология исследует механизм иммунитета личности к криминогенной ситуации и через познание закономерности этого явления разрабатывает рекомендации по профилактике преступности. Психологические исследования личности потерпевшего и его деятельности представляются весьма актуальными, так как способствуют решению целого ряда вопросов: более правильной квалификации преступлений, изучению их причин и условий, всестороннему расследованию уголовных дел, обнаружению новых доказательств и т.д. Таким образом сложная проблема формирования преступного умысла может быть достаточно глубоко исследована в первую очередь в рамках криминальной психологии и психологии потерпевшего. Психологический анализ судебного процесса дает возможность разработать рекомендации, направленные на увеличение эффективности правосудия, развитие культуры процесса, усиление воспитательного воздействия на всех его участников. Эти задачи не могут быть решены без использования данных различных наук, изучающих личность человека, его взаимоотношения с коллективом и

роль различных факторов, положительно или отрицательно воздействующих на личность осужденного.

Синтез психологии и юриспруденции в разделе криминальной психологии - должен привести к взаимному обогащению обеих наук и к разрешению одной из наиболее актуальных проблем - проблеме увеличения эффективности правоохранительной деятельности.

Заключение

Таким образом, криминальная психология обладает огромным значением для общества, способствуя эффективному предупреждению и расследованию преступных деяний, а также объяснению психологических особенностей криминогенной личности и мотивов совершаемых преступлений. И, наконец, криминальная психология дает возможность в адекватной и полной форме объяснять мотивы преступников и доносить их до их же сознания, что зачастую помогает таким людям осознавать себя и свои сложности, а значит, и принимать ответственность за свои поступки и действия.

Список литературы

1. Анцупов А.Я. Словарь конфликтолога. СПб.: Питер, 2006.
2. Бондаренко Т.А. Юридическая психология для следователей. М., 2007.
3. Васильев В.Л. "Юридическая психология": Учебник - СПб.: Питер, 2009.
4. Волков В.Н., Янаев С.И. Юридическая психология. М., 2005.
5. Еникеев М.И. Юридическая психология. М., 2006.
6. Зелинский А.Ф. Криминальная психология. Киев. 1999.
7. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М. 1989.
8. Познышев С.П. Криминальная психология. М. 2019.
9. Столяренко О.М. Психологические приемы в работе юриста. М., 2006.

© К.А. Никитина